

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. Чистота, дистанция, нейтральность? 7

ЧАСТЬ I

Глава 1. Желание Фрейда и желание врача 19

Глава 2. «Почему нема ваша дочь» 48

Глава 3. Выделение сексуации пола:
наслаждение аналитика и абстиненция. 68

Глава 4. Истеричка и изобретаемый ею анализ 88

Глава 5. Истеризация аналитика 111

ЧАСТЬ II

Глава 6. Расщепление аналитической
практики после Фрейда 135

Глава 7. Речь реального отца 168

Глава 8. Неравноценность процедур
сексуации. 183

Глава 9. Вторая сексуация и ее пределы 203

Глава 10. Продолжение сексуации: книга 221

Глава 11. Педагогика невроза и идеал-Я. 250

Глава 12. Аналитическая сексуация:
присутствие аналитика и acting out 273

Вступление

Чистота, дистанция, нейтральность?

В 1964 году Жак Лакан делает открытое заявление о существовании желания психоаналитика. С точки зрения профессионального сообщества это был неожиданный жест: мысль о том, что аналитик может желать как-то иначе, нежели тот, кто не практикует анализ, едва ли укладывалась в представления специалистов. Психоаналитика традиционно рассматривали как субъекта определенной деятельности и не видели в нем ничего специфического, кроме соответствующей подготовки и склонности к занятию анализом. Именно поэтому объявление о существовании особого желания, которое направляет анализирующего субъекта, послужило поводом к кардинальному расколу между Международной психоаналитической ассоциацией и последователями Лакана.

Многими это расхождение было воспринято как обновление психоаналитической повестки и ее уход с территории, где фрейдовская практика, с точки зрения лакановских последователей, долгое время оставалась обезглавленной, лишенной того, что составляет ее предмет, — инстанции желания. Образовавшееся течение закрепляло свой успех не только в опоре на оригинальность лакановской теории, но в еще большей степени на специфичность того, что она сулила самой позиции

аналитика — одновременно укрепление и проблематизацию.

Сегодня, когда можно подвести некоторые предварительные итоги, последствия заявления Лакана выглядят откровенно уступающими уровню той революционности, которую заложил в него он сам. Прошедшие десятилетия показали, что любая рефлексия над желанием психоаналитика в психоаналитической теории в гораздо большей мере, чем полагали ранее, обречена опираться на сложившуюся культуру и практику анализа как на неизбежную данность. Последствий этого не удалось полностью избежать даже в лакановской интервенции. Более того, сложившееся до Лакана положение вещей, против которого он выступил, в некоторых местах лишь укрепилось вследствие общепринятого способа понимать его заявления. На сегодняшний день достигнут консенсус, нашедший манифестарное выражение в тексте одного из наиболее известных участников лакановского движения Брюса Финка:

Желание аналитика — это желание, сосредоточенное на анализе и только на анализе... Желание аналитика представляет собой в своем роде очищенное желание (*purified desire*), которое не покоится на каком-либо определенном объекте и не имеет целью внушить анализанту какие бы то ни было соображения... Аналитическое желание концентрируется на анализе и только на анализе — оно не является пожеланием пациенту того, что было бы «наилучшим» для него, для его личностного развития или карьерного роста. Не преследует оно и целей подбора подходящего партнера или помощи в обретении «личного счастья»... Желание это не имеет ничего общего также и с желанием услышать от анализанта определенные вещи — у аналитика нет заранее заданного плана, которому должен следовать анализ. Желание аналитика должно оставаться «непристегнутым», свободно парящим, удерживающимся от

того, чтобы задать для пациента какое-либо однозначное направление¹.

Этот пассаж концентрирует в себе проблематичность, с которой сопряжена любая попытка усвоить лакановский подход и положить его в основу практики. Сами выражения, в которые Финк облек свою позицию, имеют все основания стать программными, поскольку отвечают сложившемуся уровню ожиданий, предъявляемых сообществом к лакановской революции анализа. Однако при всей решимости Финка дать определение лакановской аналитической позиции, на его слова нельзя опираться, не усугубляя недопонимания причин, побудивших самого Лакана ввести понятие «желания аналитика». Так, до сих пор никем не осмыслен кризисный характер обсуждаемого заявления, сделанного спустя год после лакановской попытки сообщить о судьбе того, что находится на месте Имен-Отца. Примечательно, что впоследствии в сообществах, занимающихся Лаканом, эти две темы никогда не пересекались — факт, доказывающий, что Лакан не переоценил свою будущую аудиторию, едва ли способную распознать в произошедшем что-либо, кроме случайной смены предмета. Этот поразительный эффект, в котором рвение в области исследования желания аналитика полностью исключает желание создателя концепции, не имеет под собой иных оснований, помимо констатируемого самим Лаканом поначалу с досадой, а потом с убежденностью: то, что он был готов произнести, но не сказал, так и не будет услышано. Вопрос о желании аналитика был для Лакана не столько плодом намерения усовершенствовать анализ на реконструированной фрейдовской основе, сколько следствием глубокой подавленности и порожденного ею

¹ *Fink B. A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis: Theory and Technique. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. P. 6–7.* Здесь и далее перевод мой. — А. С.

сомнения в том, чем чревата слишком недвусмысленная демонстрация аналитиком своего желания. Последнее в этом случае представляет собой не решение вопроса о позиции аналитика и ее этических границах, а скорее предупреждение о том, что лежит по другую их сторону.

Результаты непонимания этого момента сегодня налицо. Уже заключенная в формулировках Финка позиция, при всех вложенных в нее исключительно благих профессиональных побуждениях, выглядит внутренне несогласованной, поскольку высвечивает несовпадение между тем, как и в каких обстоятельствах о желании аналитика говорил сам Лакан, и, с другой стороны, тем, что высказывается аналитиками с целью консолидации лакановской практики. Там, где Лакан намеренно вводит в аналитическую деятельность желание, создающее со стороны аналитика неизученное и непредсказуемое пространство, его последователи, формально соглашаясь с заданными установками, стремительно возвращают повестку к исходному, до-лакановскому определению аналитической позиции как эталона сугубой нейтральности и истовой верности делу анализа.

Этот процесс объясним: в условиях переизбытка предложения разнообразных психологических услуг психоаналитик, вынужденный непрестанно настаивать на существовании чего-то такого, с чем его практику нельзя смешивать ни в коем случае, испытывает сильную тревогу. Аналитик чувствует угрозу, исходящую от любых внеаналитических практик, в той или иной степени эксплуатирующих фрейдовский аппарат. Осуществляющий двойную работу сепарации, психоаналитик лакановской ориентации ощущает себя дважды отлученным как от внеаналитического окружения, так и от фрейдистской аналитической альма-матер. На этом фоне с его стороны легко различимо дополнительное желание, которое нетрудно прочесть как его собственный *acting out*: дистанция с ана-

лизантом, которую признают важным элементом аналитического процесса, производна в том числе и от желания аналитика подчеркнуть дистанцию между «чистым анализом» и тем, что может быть за него принято или прикрывается его именем. При этом наличие желания здесь обычно не признают, продолжая настаивать на продиктованной чисто практическими соображениями необходимости различения практик. Тем не менее речь идет именно о дополнительном желании, поскольку с чисто прагматической точки зрения испытываемая аналитиком тревога относительно деятельности психолога необъяснима, ведь ее невозможно спутать с анализом.

Сегодня мы знаем, что представление об этой деятельности можно составить исходя из той позиции, которую занимает психотерапевт — фигура широко распространенная и характеризующаяся тем, что ее намерение стремится к совпадению с требованием входящего в терапию. Вступающий в нее субъект намеревается затребовать у специалиста информацию о том, почему его дела никак не наладятся. Психотерапевт же со своей стороны торопится, если не дать на этот вопрос исчерпывающий ответ, то во всяком случае оказаться в месте, которому клиент свое требование адресует. Такой субъект психотерапевтического процесса полностью сконцентрирован на озвученном в терапии запросе. В каждом отдельном случае этот субъект не является клиентом или клиницистом по преимуществу, но представляет собой объединяющую их позицию в речи, которая сводит воедино две стороны терапии, даже не подозревающих о подобном взаимном сопряжении.

Уже по этой причине нет никакой возможности спутать положение аналитика и субъекта психотерапии — между ними нет практически ничего общего, поскольку аналитик может не отвечать на запрос анализанта напрямую, рассматривая его как часть той речи, которую ана-

лизант приносит в анализ и посредством которой говорит его симптом. Уверенность в возможности подобного рассогласования с требованием, поддерживающая в свою очередь рассогласование с любой практикой ответа на требование, позволяет аналитику не выказывать практически никакой обеспокоенности конкуренцией с психотерапевтическим направлением. Гораздо большее внимание Лакан уделял раздражителям, заключенным в самом анализе, например, расхождению желания любого фрейдовского аналитика с желанием того, кому он, по его словам, наследует. Выражается это в том, что подавляющее большинство аналитиков классической фрейдовской плеяды в силу ряда обстоятельств превращали свою деятельность в *acting out* по отношению к желанию Фрейда. Своей собственной деятельностью они постоянно стремились внести в дело анализа нечто такое, что дополняло и улучшало бы начинание Фрейда. Аналитики долакановского периода буквально не могли удержаться от того, чтобы не взять на себя в анализе дополнительные задачи и не стать для пациента чем-то большим. Именно по этой причине Лакан предостерегал аналитиков от присвоения себе каких-либо иных полномочий, кроме тех, что принадлежат объекту *a*.

Однако последующие выводы из присутствия объекта *a* на месте аналитика все сильнее расходились с другими лакановскими заявлениями, в которых желание аналитика вовсе не отождествлялось с желанием, исчерпывающим себя во время сессий или даже между ними. Дискурс аналитика не сводился лишь к «желанию проводить анализ» или к аналитической этике, на следовании которой лакановские аналитики склонны настаивать, подчеркивая, что хотя она и не тождественна моральному идеалу, однако диктует сугубую независимость позиции аналитика. Последняя, кроме этой гуманитарной по сути подоплеки, содержит в себе нечто такое, что анализант и широкая общественность воспринимают как исходящее со стороны

аналитика сопротивление, о чем часто забывают за декларациями его сугубой нейтральности. Сопротивление как раз и выдает присутствие желания, которое обычно скрывается в исходящем давлении постоянной величины и силы. Понятие нейтральности со всеми его коннотациями, включая предложенные Финком «непристегнутость» и «свободное парение», выглядит здесь поразительно неуместно.

Сам Фрейд характеризовал собственную позицию вовсе не как нейтральную, но как просто «осторожную», избавляя ее от привходящей психологизации. То, что под давлением множась психологических услуг стало впоследствии едва ли не знаком элитарности психоанализа, противостоящего стандартам общества потребления, в эпоху Фрейда имело гораздо более скромные притязания: речь шла о сдержанности специалиста, отказе от поспешного, продиктованного человеколюбием отклика на речь пациента. Однако этим дело не ограничивается. Призыв к сдержанности в содержании фрейдовской речи обычно воспринимается как предписание, чисто техническая рекомендация, что как раз и показывает, до какой степени сказанное принадлежит вторичному процессу, а исток желания исследователя сокрыт. Подробно описывая разнообразие поджидающие аналитика искушения, способные запятнать чистоту его практики, Фрейд не раскрывает само существо своего желания, которое противится превращению изобретенного им анализа в поддерживающую терапию.

Специалисты прямо наследующей Лакану школы уверены, что лакановская зачистка поля от привходящих практик служит им надежным алиби, и потому нередко занимают позитивным самовнушением на этот счет. Игнорируя описанное сокрытие, они убеждают слушателей, что основные ориентиры в понимании желания аналитика достигнуты, а господствовавшие еще недавно заблужде-

ния преодолены. В этом смысле характерно предуведомление Австралийского центра психоанализа к XI Лакановскому симпозиуму:

Чем оно может быть — желание аналитика? Ответ, который дает Лакан, состоит в указании на желание, прошедшее через определенный опыт, то есть желание проанализированное. Это желание поддерживать дистанцию между аналитиком и анализантом. Данное желание уводит нас в направлении, противоположном стремлению к идентификации².

Это заявление опирается на многочисленные резкие замечания самого Лакана по поводу пресловутой изобретенной Майклом Балинтом идентификации с аналитиком. Однако при всей своей правоте оно все же не учитывает, что если и существует желание аналитика, позднее названное «желанием дистанции», то корни его нужно искать в образовании, которое к аналитическим процедурам само по себе не отсылает. Настаивать на тождестве аналитического желания аналитической работе — значит совершать подмену, поскольку желание не может существовать без собственных эффектов, не позволяющих ему совпасть с уровнем своего предъявления. При всей присущей ему обособленности желание аналитика не может быть исключением — в нем должно быть нечто, что подкладывает иную изнанку под его видимые следствия.

Таким образом, налицо препятствие, которое не позволяет аналитикам посягнуть на нечто, превосходящее достигнутой ими уровень техники. Преодолеть его мешает масса соображений профессионального свойства, заключенных во фрейдовской речи, которая, прямо выражая этическое предписание, вносит раскол в позицию самого Фрейда:

² См.: URL: http://www.psychanalysis.org.au/pdfs/ACP_XIth_Lacan_Symposium_2010_full.pdf.

Я должен возразить, указав, что психоаналитическое лечение основано на правдивости. Опасно покидать этот фундамент. Кто хорошо освоился с аналитической техникой, тот вообще больше не прибегает ко лжи и обману, обычно необходимым врачу, и, как правило, себя выдает, если иной раз пытается это сделать из лучших намерений. Поскольку от пациента требуют самой строгой правдивости, то ставишь на карту весь свой авторитет, если предоставляешь ему возможность поймать себя на том, что отступаешь от правды³.

Как многие подобные фрейдовские заявления, этот пассаж не следует принимать за нечто незыблемое. Напротив, состоящий из множества недомолвок, он сам подлежит анализу, поскольку содержит нечто дополнительное, не нашедшее в сказанном прямого выхода. Когда Фрейд собирается с духом, чтобы предъявить такого рода требование, он избирает своим адресатом не ближайших последователей или незадачливых соперников, но прежде всего себя самого. Речь идет о глубоком недовольстве своими действиями, которое он, вопреки собственной настойчивости, непрестанно испытывал.

В этом недовольстве биографы традиционно усматривают либо прямоту первооткрывателя, неудовлетворенного своими достижениями, либо проявление тактической осторожности исследователя. В обоих случаях его прочитывают как кокетство, ложную скромность гения. Но к кокетству Фрейд склонен не был, а значит, у него имелись причины сознавать незавершенность своей позиции и неспособность дать о ней непротиворечивый отчет. Все это свидетельствует о наличии у Фрейда еще какого-то желания, которое не укладывается в сфор-

³ *Фрейд З.* Заметки о любви в переносе // Эротический и эротизированный перенос / под ред. М.В. Ромашкевича. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2003. С. 31–48.

мулированные им самим требования к практикующему анализ.

Таким образом, вопрос, который следовало бы задать в связи с понятием «желание аналитика», звучит следующим образом: было ли желание самого Фрейда «желанием аналитика» в том смысле, в каком с ним работают современные лакановские сообщества? Какое желание лежало в основе изобретения психоаналитической техники?

Сегодня эта тема замалчивается тем тщательнее, чем больше материала о ней накапливается в сфере, не имеющей прямого отношения к появлению анализа. Речь идет о популярных биографиях Фрейда, о публикациях, которые чаще всего не берут на себя в области аналитической теории никакой ответственности, но зато в изобилии предоставляют разного рода насыщенные скандальностью детали, находящие у публики живой отклик.

С одной стороны, в этих деталях нет ничего, что не входило бы в многочисленные фрейдовские агиографии, имеющие широкое хождение в психоаналитических кругах. После трудов Эрнеста Джонса, не упустившего ни одной из частных деталей становления фрейдовской карьеры, путь был открыт. С другой стороны, как выяснилось, детали эти обычно воспринимаются как интересные, но досужие, не заслуживающие официального комментария психоаналитиков. Лишь в незначительном числе случаев на них можно опереться как на источник частных сведений о фрейдовском желании и его реализации в созданной Фрейдом практике.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Желание Фрейда и желание врача

В ПЕРВЫЕ на обстоятельства возникновения анализа из интеллектуальных и душевных затруднений Фрейда Лакан указал в своих толкованиях 1960-х годов. Столь позднее появление такого комментария само по себе представляется загадочным. Складывается впечатление, что самые первые, сделанные в пылу начальных размежеваний, заявления, которые можно счесть попытками «проанализировать Фрейда» — в частности, высказывания Карла Густава Юнга, охваченного обидой и рессентиментом по поводу трепки, которую задал ему Фрейд, или намерение Альфреда Адлера ответить вызывающей «сыновней» интерпретацией на жесткий фрейдовский стиль управления — наложили на эту область своеобразное вето, не позволяя последователям проявить себя в работе с материалом, который можно было бы толковать как тапце, нехватку самого Фрейда.

Фрейд в свою очередь успешно отметал все предъявленные обвинения, указывая, что за юнговским и адлеровским негодованием скрывается их собственная теоретическая несостоятельность: они не смогли его превзойти и в своем натиске остановились гораздо раньше, чем он сам, а значит, не имели права его судить:

Оба регрессирующие, уходящие от психоанализа движения, которые мне теперь приходится сравнивать, обнаруживают сходство и в том, что с помощью возвышенных принципов, словно с точки зрения предвечного, они отстаивают выгодные для них предрассудки. У Adler'a эту роль играет относительность всякого познания и право личности индивидуально при помощи художественных средств распоряжаться научным материалом. Jung вопит о культурно-историческом праве молодежи сбросить с себя оковы, которые пожелала наложить на нее тираническая старость, застывшая в своих воззрениях¹.

Небезынтересно, что Фрейд выделил в обоих отступниках далеко не самое, с нынешней точки зрения, характерное для них. Если юнгианство в поле современной психологической практики и играет роль своего рода белого шума, то отнюдь не в силу подмеченной Фрейдом уязвленности, которая направляла желание Юнга. Методологические частоты, которые этим шумом оказываются заглушены, связаны с понятиями вполне конкретными. Как замечает Фрейд, теоретически проработанное представление об инстанции влечения в юнговской, а затем и в юнгианской мысли попросту отсутствует.

Этот факт подтверждает вышесказанное: никакого другого желания, кроме желания психоаналитика, в постфрейдовском клиническом поле не существует. Свое желание, конечно, есть и у Юнга, и у Адлера, и, например, у Фредерика Перлза или Ханскарла Лейнера. Но их желание, какими бы особенностями оно ни обладало, не стало в этом поле законом. Для желания аналитика стать законом — означает превратиться в нечто такое, нехватка чего в конечном счете станет определяющей для желания всех остальных. Требовать на базе желания — означает не

¹ *Фрейд З.* Очерк истории психоанализа // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. СПб.: Алетейя, 1998. С. 62.

просто отстаивать высокие исследовательские стандарты и блюсти чистоту используемого аппарата. Однако именно в этом требовании желание Фрейда оказывается замаскировано тем, что сам он полагал своей собственной приверженностью идеалам науки. Обстоятельство это по сей день остается чрезвычайно темным и тревожит, как это ни парадоксально, гораздо сильнее представителей науки, нежели аналитиков: ученые неустанно нападают на психоанализ с требованием сформулировать для них, в чем именно состоит пресловутая «научность» анализа.

Самих психоаналитиков эти нападки обычно раздражают, что не вполне оправданно, поскольку придание психоанализу научной формы, как справедливо замечает Лакан, действительно не только входило в планы Фрейда, но и пробуждало в нем подлинную тревогу. То есть научность была необходима Фрейду не для того, чтобы придать своему продукту большую респектабельность, но в качестве своего рода средства защиты. Защищаться же, как впервые заметил сам Фрейд, можно только от собственного желания.

Аналитики, не учитывающие этого обстоятельства, порой ошибочно подозревают Фрейда в завороченности возвышенным зрелищем, которое в его время представлял собой работающий с невротиками врач, пользующийся подчас неограниченной властью, — завороченности, от которой Фрейду будто бы с трудом удалось избавиться. Однако не только биография Фрейда, но и общий тон его текстов опровергают идею, будто эта власть была предметом его мечтаний; скорее, она вызывала в нем сильное смущение. Современный аналитик, чурающийся любого, сколь угодно благого вмешательства в жизнь пациента на том основании, что он не имеет на это никакого права и даже рискует выглядеть нелепо, находит во Фрейде союзника там, где сам он сохранял максимально сдержанную позицию.

Впрочем, сдержанность была присуща Фрейду далеко не во всем. Его явное нежелание вмешиваться в ходе анализа в судьбу пациента, проявлять назойливость советчика или попечительность няньки, какую бы пользу для переноса такая воздержанность ни несла, не может рассматриваться как нечто совершенно самостоятельное, как желание аналитика в чистом виде. Для понимания этого желания необходимо задаться вопросом о его источниках. Видеть в желании аналитика последнюю данность, не подлежащий никакому истолкованию акт беспримесного профессионального мужества — значит совершать операцию исключения другого желания, которое могло быть в этом замешано.

При разборе этой ситуации нельзя не принимать в расчет все то, что принадлежит желанию самого Фрейда, но с делом анализа напрямую не связано, хотя и имеет его своим предметом. Речь, во-первых, идет о стремлении Фрейда посредством развиваемого им психоаналитического учения совершить интервенцию в публичную среду, поставив ее перед фактами, зачастую для нее невыносимыми, и, во-вторых, саму эту невыносимость эксплицитовать, сделать предметом публичного заявления.

Желание Фрейда, как уже было сказано, настолько резко контрастирует с профессиональным желанием аналитика в его подчеркнутой независимости, что трудно не усмотреть между ними обратной зависимости. В этой зависимости пресловутая аналитическая сдержанность, отказ от активного вмешательства в психику, предстает формой компенсации, изнанкой желания любыми способами вызвать в публике максимальную тревогу, предъявив сообществу неотменимость перспективы, открытой в ходе исследования бессознательного. Вот чем является фрейдовское желание в аналитическом регистре. Подверстать его под миф о «желании аналитика», который со временем сложился в профессиональном сообществе, просто невозможно, — налицо два различных устремления.

Отмеченное различие ставит психоанализ и самих аналитиков в особое положение, действовать в котором им приходится исходя из начального расщепления, заложенного в анализ деятельностью Фрейда. Особый характер этой деятельности наиболее полно проявляется в тех случаях, где она маркирует переход между двумя адресованными аналитику требованиями, которые он волей-неволей воспринимает как совершенно различные.

Наличие этих двух требований обычно пытаются замаскировать рекламой «интегральной деятельности психоаналитика», как ее иногда называют. Суть ее состоит в тенденции к расширению полномочий аналитика: психоанализ, не сводимый к строго аналитической деятельности, становится «публичным делом». От аналитика ждут участия в интеллектуальной жизни, даже проявлений некоторой гражданской активности. Вопреки постоянным обвинениям в «безучастности и аполитичности», психоаналитики не упускают случая продемонстрировать, что дух гражданской ответственности им не чужд. Даже когда они не принимают ни одну из сторон в политических вопросах, аура своеобразного «просвещения» из их деятельности неустраима: психоаналитики комментируют интеллектуальные события, вмешиваются в дискуссии об искусстве, разоблачают «желание власти» или то, что за него принимают.

Проблема при этом возникает вовсе не там, где подобные интервенции вступают в противоречие с собственно «аналитической позицией». Внутренний конфликт заключен в вопросе о том, чем это вовлечение обязано «желанию публичности», которое было продемонстрировано Фрейдом.

Трудность здесь состоит в отсутствии какой-либо связи, и это отсутствие невозможно скрыть указанием на то, что Фрейд также был не чужд культурной проблематике. Различие между фрейдовской публичной деятельностью и широкой вовлеченностью нынешних аналитиков в куль-

турное производство состоит в устройстве занимаемой ими позиции. С точки зрения широкой общественности, аналитик пользуется анализом, он им владеет — неважно как, превосходно или недостаточно, в любом случае он становится адресатом требования продемонстрировать, предоставить объект своего владения. Очевидны черты типично анальной ситуации, и нет ничего удивительного в том, что аналитик то и дело стремится этот объект, свое умение, придержать, не дать ему немедленного хода и ритуально накладывает на любую свою публичную реплику несмыslaемую печать профессии. В результате возникает распространенный психоаналитический типаж, почти карикатурный образ.

Совершенно иным было положение Фрейда: поскольку анализом как целостным аппаратом он, не будучи ничьим последователем и учеником, владеть не мог, взять с него в этом плане было нечего. Зато ему было что предложить со своей стороны, и предложение это, как уже было сказано, носило специфический характер: даже занимаясь, к примеру, психоанализом живописи или биографического текста, Фрейд в конечном счете предоставлял не «анализ культурного материала», а указание на содержащиеся в нем следы работы бессознательного, иными словами то, что материал может быть анализу подвергнут.

Сегодня, когда мы привыкли, что психоанализ применяют ко всем явлениям культуры без разбору, эта разница не выглядит столь уж фундаментальной. Однако в ней заключено основное различие между позицией Фрейда и той, в которой находятся психоаналитики, с легкостью применяющие свое искусство к культуре или политике. Представление об их «анализабельности» при этом принимается за данность, что ведет не только к злоупотреблению (также имеющему место), но главным образом к устранению той тревоги, которую аналитическая практика пробуждала в публике. Тревога эта порождена была, в частности, тем, что

сама возможность подвергнуть анализу избранный Фрейдом материал не была заведомо очевидной, а обнаруживалась лишь в ходе применения аналитического метода.

Современный аналитик, прошедший курс обучения на базе готового фрейдовского или лакановского аппарата, поступает совершенно иначе. В ходе интерпретации ему остается лишь приложить небольшое усилие, чтобы вскрыть анализируемое явление или произведение как шкатулку, в которой непременно найдется аналитическое содержание. Деятельность эта лишена, таким образом, потенциала, который задействовал Фрейд, не обещавший публике ничего определенного. «Я не знаю, к чему это приведет и с чем мы на этот раз столкнемся», — вот сообщение, характеризующее фрейдовское предприятие. Обнаружение в том или ином произведении или поведении следов присутствия бессознательного всякий раз повергало читателей фрейдовских работ если не в шок, то в замешательство, пробуждая в них тревогу, вызванную непредсказуемостью этого воздействия.

Сегодня анализабельным, поддающимся анализу в культуре считают все без исключения, чем названное замешательство полностью устраняют. Публичное применение готового аналитического метода к культурному материалу больше не вызывает в публике никакой тревоги, кроме разве что остаточной, связанной с вопросом о том, зачем это все аналитику понадобилось и для чего он прилагает свои усилия. Тревога эта, тем не менее, небеспокойна, поскольку чутко реагирует на нечто не просто автоматическое, но и откровенно навязываемое, лежащее в основе современной психоаналитической деятельности в области культуры. Настоятельность применения анализа к культурным и социальным феноменам сохраняется, поскольку аналитики воспринимают ее как обращенное к ним требование. Ответить они могут лишь новым «психоаналитическим комментарием» к кинофильму или по-

литической ситуации, невзирая на всю двусмысленность этого акта, поскольку ничего, кроме профессиональной бравады, в такой деятельности не прочитывается.

Следствием наделения психоаналитика ролью эксперта становится смещение акцентов: соглашаясь с амплуа массового затейника, он одновременно предстает просветителем. Положение просветителя всегда комично, но в данном случае оно означает забвение истинных причин, по которым Фрейд участвовал в инициативах, будто бы свидетельствующих о его стремлении это положение занять, — в лекциях, выступлениях, в основании аналитических сообществ.

Лежащее в основе активности Фрейда желание состояло не в ознакомлении публики с основами психоаналитической практики, а в оповещении ее о появлении субъекта, чье желание основывается на наблюдении за другим желанием в его симптоматической форме. Сказать, что этим субъектом был Фрейд, недостаточно — неоднократно приводя в пример данные самоанализа, он не столько принимает их на веру, сколько демонстрирует появление у субъекта этого нового желания. Отсюда та амбивалентность, с которой Фрейд подходит к вопросу самоанализа: приводя свою собственную бессознательную продукцию в качестве иллюстративного материала, он в конечном счете от этой идеи бесповоротно отказывается. Такое решение необходимо воспринимать в свете вышесказанного: дело не в том, что, как любят подчеркивать, для анализа необходима интерактивность, а в том, что желать увидеть плод желания и его невротический исход можно только будучи субъектом другого желания. Приводя себя самого в пример в качестве функционирующего субъекта бессознательного, Фрейд не восполнял нехватку практического материала, как принято считать. Его жест недвусмысленно указывал, что всякий, кто взялся анализировать, ищет не приращения аналитического знания — ведь «желания

знать», как впоследствии заметил Лакан, не существует, — но непосредственно сконцентрирован на желании, которое вынуждено функционировать под направленным на него взглядом. Самоанализ в этом случае лишь показывает, насколько его субъект может быть близок к аналитанту, вплоть до полного совпадения.

С современным представителем аналитической практики, даже если за ним стоит достаточно хорошая (*good-enough*, если говорить винникотовским языком) психоаналитическая школа, описанный субъект этого иного желания пересекается разве что частично. Вопрос поэтому состоит не в качестве аналитической подготовки, а в позиции субъекта, ставшего ее продуктом. Сама процедура *изготовления психоаналитика* в широком смысле предполагает, что «анализирующий субъект» так или иначе окажется подключен к целям образования — его добросовестность будет востребована и в то же время вознаграждена на ниве улучшения культурной ситуации. В свою очередь, образование в его современном виде предполагает субъекта, обладающего известной интеллектуальной подготовкой и не привязанного ни к чему конкретному — его фантазм в происходящем не фигурирует, он здесь просто неуместен. Теория «образовательной пользы» предполагает, что столкновение с культурным материалом — искусством, философскими и историческими текстами — развивает критическое мышление и вкус читателя, а психоаналитическая оптика дополнительно укрепляет и расширяет его взгляды. Иными словами, за образованием никогда не стоит желание.

Такую образовательную программу можно было бы только приветствовать, если бы она действительно производила что-то близкое к универсальному знанию, которого философская критика по собственным причинам приучена опасаться, хотя ничего тоталитарного в нем нет. Боязнь гегелевского абсолютного знания при этом заведомо

беспочвенна, поскольку ничего похожего на него не существует в принципе. Продукт «широкого образования», в принципе, сводится к довольно узкому набору совершаемых его носителем операций, которые, вопреки всем попыткам увидеть в них целостный проект, при необходимости не только безболезненно обособляются друг от друга, но и в целом остаются произвольной совокупностью. Примерами тому могут послужить регулярные масштабные перемены в интеллектуальной повестке вслед за выходом на авансцену той или иной крупной фигуры. Умение применить психоаналитический аппарат к какому-либо направлению в искусстве или производству кинематографа может быть частью этой повестки, а может быть с успехом заменено любым другим культурным навыком — например, критикой власти или общества потребления.

Такого рода установка абсолютно не соответствует направлению, в котором двигался Фрейд, ведь воспроизводимое им желание не могло базироваться ни на социальной критике, ни на науке. И если связь с первой Фрейд отвергал так решительно, что могут закрасться подозрения в его собственной уверенности, то научный подход, напротив, он по некоторым причинам долгое время полагал своей опорой. Но даже в этом случае «образование» в смысле education лежало за пределами его желания. Неслучайно в качестве своеобразного агиографического анекдота имеет хождение история о том, как Фрейд требовал, чтобы собственный анализ проходили все читающие его труды и пытающиеся расширить с их помощью свои познания и кругозор. За этим анекдотом в действительности стоит фрагмент из работы «Советы врачам при ведении психоаналитического лечения», где Фрейд сетует на обилие интересующихся его работами лиц, которые могут распознать в его текстах нечто оригинальное и даже выдающееся, но не способны проверить прочитанное опытом собственного анализа.

Подтверждает ли это справедливость выводов, которые обычно делают из подобных замечаний Фрейда, а именно, что по существу он заложил основу эзотеризации, сепарации сообщества проанализированных и продолжающих практиковать анализ в дальнейшем, благодаря чему приобретают репутацию закрытой профессиональной касты, ревностно оберегающей свои секреты? Однако даже из упомянутого текста, отнюдь не исчерпывающего фрейдовской позиции, вытекает нечто противоположное: Фрейд рекомендует анализ всем и каждому.

Необходимо признать, что в отношении всех подобных высказываний Фрейда психоаналитики и сторонние исследователи находятся практически в одинаковом положении. Не существует готовой модальности, из которой можно было бы прочесть и уяснить цель этих заявлений. Коль скоро сами аналитики до сих пор охотно становятся жертвами и даже распространителями типичной аналитической мифологии — предположений о «пользе анализа для самопознания» или представлений о благотворности аналитических знаний для культурно-интеллектуальной ситуации, — то не остается никаких сомнений, что желание Фрейда как единственное исторически и документально доступное «желание аналитика» никакой вменяемой артикуляции подвергнуто не было. С подобных позиций в нем не разглядеть ничего, кроме сумбурного набора противоречий.

Продвинуться в их прояснении позволило бы указание на то, что лежит в основе любого желания, а именно положение его субъекта относительно тревоги. Это правило универсально и действует даже в случае желания основоположника психоаналитического учения — то есть в своем роде желания «первоначального». Первоначальность эта не тождественна оригинальности, кроме разве что некоего удвоения, рекурсии. Желанием Фрейда было указать на существование желания определенного типа,

которое он, как известно, опознает как желание истерическое. Открытие это не было случайным результатом независимого изучения — напротив, Фрейд настойчиво к этому шел, а значит, при всей теоретической достоверности речь идет о предмете его тревоги.

По этой причине в реализации желания Фрейда по-видимому сочетались два различных элемента: исследовательский напор, для распространения плодов которого он формировал ближний круг посвященных, и публичная сторона деятельности, в которой ошибочно усматривают стремление к «популяризации» учения. Эти, на первый взгляд, различные элементы были объединены общей тревогой; в том, что найденное обладает настоятельностью, Фрейд вовсе не был убежден — не раз он готов был признать, что субъект не нуждается в полученном в ходе анализа знании и лишь благородное дело лечения невроза может служить оправданием при добыче этого знания. Однако и отделаться от своего открытия Фрейд был не в силах, и поэтому шел на контакт с публикой, дабы призвать ее в свидетели предложенного ракурса и совместно с ней достичь той теоретической высоты, на которой инстанция желания и соответствующие ей данные бессознательного впервые становятся предметом всеобщего рассмотрения.

Выводы, которые можно сделать из этой рекурсии, зависят от того, как именно оценивать сам факт ее наличия. С одной стороны она ничего особенного не привносит: в случае Фрейда речь идет о желании необычном по направлению, но ничем не примечательном по своей структуре. *Желание в направлении тревоги другого* — более простой конфигурации желания просто не существует, и для данных анализа речь идет о вещах абсолютно базовых. Тем не менее предпринятая рекурсия — избрание средством причинения тревоги другому самого факта существования желания — производит ряд эффектов, которые невозможно сбросить со счетов.

Иными словами, если опираться на фрейдовский случай, желание, предшествующее возникновению психоанализа, предстает двояким объектом. С одной стороны, это плеоназм, в котором избыточным оказывается не только тот тривиальный факт, что аналитик чего-то желает, но и гораздо реже эксплицируемый взгляд на него как на выразителя всеобщей склонности к анализу. Фрейд неоднократно подчеркивал, что желание, способное привести субъекта в анализ, предпослано любому, независимо от того, является он аналитиком или нет. Все это может противоречить учению о защитах, сопротивлении и прочих аспектах поведения субъекта в аналитическом кабинете, но не противоречит по существу гораздо более принципиальным вещам, которые Фрейд говорил об анализе, впоследствии названном «дидактическим». Последний возможен именно в силу того, что при всей разнице между ними аналитик и анализант имеют дело не просто с одной и той же психической материей, но с одной и той же тревогой по поводу существования желания. Безо всякого знакомства с анализом любой сексуализированный субъект уже питает на его счет серьезные подозрения. Так, он видит желание в своей возлюбленной или в соратнике, и вполне способен уловить ту проблематичность, которую оно вносит — безотносительно того, обладает ли он теоретическим аппаратом для восприятия этой проблематичности или нет. Речь, таким образом, идет о предмете, применительно к которому полноценное разделение на «теорию и практику» нерелевантно и лишь запутывает исследование.

Тем не менее под желанием аналитика часто подразумевают некое особое образование, которое возникает именно в результате пройденного анализа. О каком образовании тут идет речь?

Как раз здесь возникают часто прикрытые туманной риторикой формулы о «дистанции в анализе», «отказе от идентификации с аналитиком» (путаница и подмена

состоит уже в допущении возможности идентифицироваться с «личностью аналитика», как будто в анализе эта «личность» играет хоть какую-то роль). Иными словами, здесь невольно возникает тот профессиональный, рекомендательный тон, который на уровне акта высказывания чреват ничем иным, как возвращением на круг пресловутой идентификации со специалистом, продуцирующим свое поучение. (Известно, как часто идентификация возникает не столько в направлении от анализанта к аналитику, сколько внутри самой аналитической среды, где отсутствует поддерживаемый в анализе особый режим взаимодействия и где «личность» с ее манерой держаться может действительно выйти для младших коллег на первый план, что на наших глазах происходит повсеместно.)

Основная проблема этого подхода заключается в том, что само наличие такого рода рекомендаций свидетельствует об изначальном отсутствии в поле зрения желания аналитика. Если дистанция, связанная с необходимостью избежать той же идентификации, выносится на первый план, то ее поддержание требует особых усилий. Иными словами, она в специалисте «воспитывается». В центре внимания вновь оказывается перспектива «образования» с присущей ей оптикой изначальной субъектной неадекватности, которую образование призвано восполнить. Даже если предположить, что воспитывается будущий аналитик исключительно внутренними аналитическими средствами, в ходе собственного анализа, и что за его пределами о требуемых от него профессиональных приобретениях никто специально не заговаривает (что, очевидно, не соответствует действительности), то и в этом случае изначальное допущение остается неизменным: речь снова должна идти о спецсредствах, о методах побуждения, без которых нечто под именем «желания аналитика», на свет не появится.

Доля истины, связанной с процессами дидактического анализирования, в подобном воззрении бесспорно

есть. Тем не менее оптика, в которой эти процессы рассматриваются, совершенно затуманивает фрейдовскую перспективу, никогда не описывавшую анализ в терминах «восполнения» некой изначальной неспособности посредством воспитания у специалиста особого «желания анализировать». Желание, предшествующее возникновению желания аналитика, не проявляется в собственном дидактическом анализе субъекта, как бы сильно иные аналитики того ни хотели. Креационистская нота, часто звучащая в рассуждениях об «образовании аналитика», вносит сумятицу и меняет местами элементы, которые были расставлены совершенно иначе как в желании самого Фрейда, так и во внешней стороне его деятельности.

В случае Фрейда желание анализировать имело место изначально — не потому, что именно анализу он себя в конечном счете посвящает (сам по себе такой выбор не имеет решающего значения, будучи фактом биографии и даже, возможно, как ни трудно это признать, фактом случайным), а ввиду того, что элементы этого желания направляли его деятельность задолго до обретения аналитической теорией в том виде, который она приняла к моменту появления у Фрейда первых крупных последователей. Если в дальнейшем он настойчиво твердил, что аналитическая практика должна базироваться на определенной сдержанности, отказе от «страсти к лечению», от чрезмерной вовлеченности аналитика в сам его процесс и в личность анализанта (из чего как будто вытекало, что аналитику удерживать себя от этой вовлеченности приходится силком), то говорить все это Фрейду, как ни странно это прозвучит, приходилось ценой отказа от собственной аналитической позиции.

Из текстов Фрейда, из самих используемых им означающих видно, в пользу чего совершался этот отказ — в пользу позиции врачебной. Именно в поиске компромисса между позицией аналитика и врачебным делом, которое всегда в своей риторической части базируется на

практике рекомендательного, наставительного поучения более молодых коллег, происходило отступление Фрейда в область дискурса медикализации, в котором речь действительно может идти о необходимости преодоления филантропического настроения — например, отказа удерживать силой или без видимой нужды причинять боль — ради вящей пользы больного.

Вместе с тем это отступление ничего не меняло в основах фрейдовского изложения, поскольку из него в целом не следовало, что на присущую практике анализа сдержанность и абстиненцию аналитика необходимо натаскивать или, иными словами, что эти необходимые компоненты желания аналитика приобретаются искусственно, а потому о них необходимо все время напоминать, преодолевая исходящее от специалиста реликтовое «доаналитическое» сопротивление. Мысль, что собственный анализ нужен психоаналитику не только для освоения основ техники, но и для прерывания той «естественной» человеколюбивой и сострадательной позиции, на которой он якобы находился до анализа, является руссоизмом чистой воды. Отсутствие у Фрейда подобных наивных заблуждений, по всей видимости прижившихся впоследствии в классическом анализе еще до Лакана и в превращенном виде перешедших в некоторые постлакановские образования, заставляет пересмотреть расхожую профессиональную риторику наследующих Фрейду и Лакану психоаналитиков, поскольку имплицитно делает излишними многие из ее положений. В первую очередь это соположение двух утверждений, одно из которых требует признать, что «желание аналитика сосредоточено только на анализе» и, стало быть, именно в нем получает единственно возможное воплощение, а второе — что этому желанию присущи вышеописанные элементы дистанции и сдержанности, которые аналитиком воспроизводятся лишь силой профессионального самопринуждения и помещения своего дела

превыше всего. Ложность этой картины связана не только с тем, что в ней не удастся избежать фальши чрезмерной благонамеренности, но и с презумпцией мнимой неразложимости желания аналитика, якобы не выводимого ни из чего, кроме самой сферы своего применения. Под видом этого желания перед нами предстает неразборный агрегат, передаваемый подобно инструменту или прибору, который можно настраивать, если он дает сбой, но относительно которого нет смысла спрашивать, что он собой представляет помимо его назначения. Желание аналитика, при всех прилагаемых сегодня усилиях обозначить его оригинальный характер, тем самым одновременно загоняется в рамки, несущие для того, что претендует на статус «желания» в анализе, почти издевательский смысл.

Преобладание подобного взгляда на вещи, который сохраняется и воспроизводится в том числе благодаря деятельности основного круга лакановских последователей, само по себе прекрасно объясняет постоянные поломки этого прибора: даже многочисленные конгрессы, семинары и прочие образования, призванные удерживать желание аналитика в надлежащей форме, не в состоянии предотвратить его сбоя. Сводить желание аналитика к одному из инструментов аналитической техники, превращать его в воспроизводимый критерий пресловутой профессионализации означает вырывать его из ситуации, в которой оно находилось в начальной точке, в момент исходного импульса фрейдовского желания.

К базовым элементам этого желания мы обратились уже тогда, когда указали, что оно находится в определенном отношении к тревоге, притом что последняя также не является некоей имманентной данностью, лишенной всякой связи с историческими обстоятельствами. Напротив, многое указывает на то, что как компоненты этой тревоги, так и сам ее предмет Фрейд обнаружил в своем непосредственном окружении. Узнать, что это окружение собой

представляло, можно из разных источников, однако даже в совокупности они не дают полной картины — в силу не фрагментарности каждой из версий, но отсутствия оптики, достаточной для обращения не к личности Фрейда и его достижениям, а к причинам его действий в направлении реализации своего желания. В этом состоит недостаток всех существующих фрейдовских биографий — даже старательное изложение фактов, например, Эрнестом Джонсом², попытавшимся досконально реконструировать все противоречивые искания Фрейда в области теории, отмечено научно-философским подходом, где любое колебание принимается за сомнение в исследуемом предмете, понятом зачастую чрезвычайно узко. С точки зрения Джонса, Фрейд озабочен поиском наилучших средств донесения своей мысли, чему препятствует сама сложность избранной им интеллектуальной миссии — сложность эта, по мнению Джонса, носит научно-объективный характер и не зависит от настроений окружавшей Фрейда среды.

Однако импульс фрейдовскому учению придавало во все не это. В его случае источником тревоги выступала другая область, идентифицированная в момент рождения анализа самим Фрейдом как область суждений о его деятельности со стороны профессионального окружения. Притом, хотя задолго до реализации аналитических замыслов уже были очевидны как соответствующий настрой этого окружения, так и специфика циркулирующих в нем профессиональных формулировок, Фрейд непосредственно сталкивается с ними в тот болезненный для него момент, когда собственная деятельность начинает вызывать у него сильные колебания.

Последние заслуживают отдельного внимания, поскольку даже при самом слабом о них представлении их

² См.: Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Гуманитарий, 1997.

все равно продолжают упрощать. Так, считается, что своим успехом Фрейд обязан привнесенному им в дело анализа фактору сексуализации. Иногда поправляют, что открытие это принадлежит не Фрейду, а доктору Йозефу Брейеру. На деле, роль Брейера также не является ведущей, поскольку ко времени его принятия в члены-корреспонденты Венской академии наук вся среда, исторически формировавшаяся вокруг взаимодействия врача-психоневролога с истерическим пациентом, была сексуализирована практически тотально. Именно в силу этой плотной сексуализации не было ни малейшей возможности привнести в сложившиеся практики врачевания что-либо иное. Систематически приписываемая самому истерическому субъекту патологическая сексуализация, на которую якобы указывала история с ложной беременностью «пациентки Анны О.», Берты Паппенгейм, на деле, как со всей ясностью показал ее случай, исходила от самого терапевта.

Таким образом, в области сексуальности Фрейдом было впервые открыто не желание истерического субъекта, а желание врача, которое в дальнейшем всегда будет одержимо Фрейда преследовать, одновременно выступая пробным камнем для всех его последующих суждений. Именно сюда следует помещать его предварительные соображения касательно истерии, в частности ошибочное и излишнее с точки зрения современных аналитиков предположение о том, что истеричка стала жертвой раннего совращения отцом. В этом заявлении содержится истина, но истина психоаналитического свойства. Истеричка и вправду подверглась растлению, носившему доаналитический характер в том смысле, что вначале она оказывается под опекой классического врача-невролога, организующего с ней отечески-интимное взаимодействие, в плотном коконе которого проходит «лечение». Из виду здесь обычно упускается, что именно доаналитическое взаимодействие с тогдашней официальной медициной создает

истеричку как субъекта особого типа, с работы над бессознательным которого Фрейд и начинает создавать собственный анализ. Какие бы пути ни приводили истеричек в анализ, сначала они — или ее наперсницы, включая подруг, сестер, матерей, — попадали во врачебные руки, в лоно медицинского дискурса, где подвергались соответствующей сексуализации.

Сексуально обустроенный симптом истерички, таким образом, ни в коем случае не является первичным субстратом болезни, невротической материей, которая подвергается в анализе окультуриванию. Напротив, истеричка сама изобретена, привнесена в мир предшествующими обстоятельствами обращения с ней, в результате которых она исторически впервые сталкивается с мужским желанием медика, обращенным не к ее телу (к чему она в своем сопротивлении до некоторой степени готова), а непосредственно к затруднениям в ее сексуальности. Все классическое дофрейдовское лечение нервных расстройств проявляло к этим затруднениям повышенное, по-отечески обставленное внимание, сродни инцестуозному.

Это обстоятельство, с одной стороны, принадлежащее к числу бесспорных открытий Фрейда, подвергается глубокому вытеснению в его ранних размышлениях. Испытывая постоянный рессентимент, претерпевая унижения со стороны более авторитетных специалистов старшего поколения, Фрейд не может высказать этот рессентимент в незавуалированной форме. В конечном счете вместо упрека своим учителям он приходит к смелому и опрометчивому открытию «детского совращения» как того, что можно открыто предъявить профессиональному сообществу, добившись от него смены пренебрежительного отношения к открытиям анализа на благосклонное. В этой маленькой сублимации, остроумно возложившей вину на отцов (ведь именно отцами все эти мужи и были — отцами обучавшегося Фрейда), умалчивается, что плотное вос-